

Бай Лисинь достал из рюкзака хрустальный шар. Хрустальный шар, который мгновение назад мерцал, потускнел и вернулся к своей первоначальной форме.

Он указал хрустальным шаром на «Линь Цзюэ» и повторил сцену, которая только что произошла в его голове.

Обнаружив поворотный момент в изменении «Линь Цзюэ», Бай Лисинь осторожно сказал: «Поскольку ты Линь Цзюэ, ты должен действовать так, как Линь Цзюэ».

Но на этот раз хрустальный шар не изменился.

«Линь Цзюэ» поднял брови: «Разве ты уже не говорил этого? Что это у тебя в руке?»

Бай Лисинь играл с хрустальным шаром в руке: «Это всего лишь гаджет. Я просто боялся, что ты раскроешься, поэтому еще раз напоминаю?»

«Линь Цзюэ» " «Куча свиней, которые проспали весь день, что они могут обнаружить?»

Бай Лисинь: «.....»

Поиграв с хрустальным шаром еще несколько минут, Бай Лисинь, наконец, сдался после того, как он остался неизменным, и, услышав приближающиеся шаги в коридоре, решительно запихнул его обратно в системный рюкзак.

Дверь в комнату в очередной раз грубо отворилась, и очень механический, высокий, худощавый священник самоотверженно улыбнулся: «Давайте, дети, пора идти на урок музыки».

—

Десять минут спустя они прибыли в музыкальную комнату.

В центре музыкальной комнаты стояло пианино вместе с четырьмя или пятью стульями, а перед музыкальной комнатой был огромный экран телевизора.

Священник провел Бай Лисиня и Ди Цзя и сел: «Скоро будет выступление Учителя Шаня. Он самый известный пианист в мире, и вы двое должны это оценить, особенно ты».

Священник посмотрел на Бай Лисиня: «Ты должен внимательно смотреть и учиться на выступлении Учителя Шаня, понимаешь?»

Почему он выделил его?

Бай Лисинь был немного удивлен, но не показывал этого на лице, просто кивнул: «Понял».

Учитель Шань? Еще один NPC?

Как только один человек и один призрак тихо ждали прибытия Учителя Шаня, большой экран перед ними внезапно засветился.

Пока играла короткая фортепианная пьеса, на экране постепенно появлялась картинка.

На экране появился мужчина в белом смокинге. Лицо мужчины не записывалось, а были показаны только его тело и тонкие пальцы.

Руки были белы как нефрит, а десять пальцев были как десять прекрасных кусочков нефрита. Они были длинными и стройными, но обладали чувством силы.

Хорошо сплетенные пальцы грациозно и быстро летали по клавишам рояля, порхая, как танцующие бабочки.

Успокаивающий, мелодичный звук фортепиано также вырвался из стереосистемы вместе с ритмом пальцев. Звук шел со всех сторон и окружал двух мужчин.

Это было действительно очень красиво.

Но пока играли на пианино, лицо Бай Лисиня стало немного серьезным, и его глаза задумчиво смотрели на человека на экране перед ним.

Примерно через десять минут фортепианная пьеса медленно подошла к концу.

Священник все время стоял рядом с ним, и в тот момент, когда музыка закончилась, он взволнованно зааплодировал и безоговорочно похвалил: «Браво, достойно Учителя Шаня. Это самая красивая фортепианная музыка в мире, даже машина зашевелится, слушая ее».

Бай Лисинь и Ди Цзя переглянулись.

Фортепианная пьеса закончилась, а через несколько минут заиклилась снова.

Это была та же фортепианная пьеса, тот же мужчина в белом смокинге, то же видео.

В тот день Бай Лисинь и Ди Цзя пять раз прослушали музыку.

Учитель Шань, которого они ожидали увидеть лично, оказался на записи.

После того, как были сыграны пять петель, священник спросил двоих: «Вы выучили это?»

Бай Лисинь и Ди Цзя: «.....»

Ты действительно думаешь, что научиться играть на фортепиано так же просто, как прыгать на батуте? Может ли обычный человек научиться этому так быстро?

Хотя вопрос был задан двум людям, взгляд священника был прикован к Бай Лисиню: «Почему бы тебе не попробовать?»

Священник поднял руку и указал на рояль рядом с собой.

Бай Лисинь не стал спорить и подошел к нему. Он сел прямо и скользнул одной рукой по роялю.

Сразу же по комнате разнесся звук клавиш, который звучал намного реалистичнее, чем ранее музыка из телевизора.

Глаза священника загорелись: «Продолжай».

Длинная шея Бай Лисиня была слегка приподнята, а глаза закрыты, как будто он уже был поглощен красивой фортепианной музыкой.

Глаза священника смотрели прямо на Бай Лисиня, его взгляд следовал за рукой Бай Лисиня, которая была поднята в воздух и располагалась как раз в нужном положении.

В следующий момент рука тяжело упала.

До его ушей донеслась вереница резких музыкальных нот.

Выражение лица священника замерло, а свет в его глазах исчез.

«Стой, стой, стой, — крикнул священник Бай Лисиню с натянутой улыбкой, — сын мой, я почувствовал твое превосходство, нет нужды играть».

Он открыл было рот, чтобы сказать что-то еще, когда увидел в дверях монахиню.

Монахиня выглядела взволнованной, как будто происходило что-то серьезное.

Священник сказал: «Вот что, вы двое учитесь еще несколько раз, у меня есть дела, и я буду здесь через час, чтобы забрать вас».

С этими словами священник удалился.

Дверь в музыкальную комнату закрылась, и на большом экране фортепианная игра мужчины снова заиграла с самого начала.

На этот раз, когда пальцы мужчины на большом экране опустились, Бай Лисинь также нажал на пианино, не пропуская ни секунды.

Ди Цзя молча сидел в зале.

На экране было выступление мужчины в белоснежном смокинге, а на самом деле это было выступление Бай Лисиня в его белоснежном джемпере.

Каждый раз десять пальцев падали одновременно с человеком на экране. Нежные, деликатные фортепианные ноты с намеком на наложение резонировали во всех уголках комнаты.

Темные задумчивые глаза жадно смотрели на молодого человека в белоснежном джемпере.

Молодой человек слегка наклонил подбородок, его тело танцевало в такт музыке.

Дело было не в том, что Бай Лисинь не умел играть, просто он только что спрятался перед NPC.

Эта фортепианная пьеса не считалась сверхсложной, но и ни в коем случае не низкой.

С десятью минутами игрового времени Бай Лисинь смог следить за ним, не пропуская ни секунды.

Когда фортепианная пьеса закончилась, Бай Лисинь медленно открыл глаза. Они выглядели холодными и торжественными.

Он взглянул на Ди Цзя позади себя и указал на человека на огромном экране: «Ты заметил, что я очень похож на этого человека?»

Бай Лисинь протянул руки и поднял их к Ди Цзя: «Посмотри на эти руки, а затем посмотри на руки на экране».

Десять белых нефритовых пальцев внезапно вытянулись перед ним, и десять пальцев были раскрыты, как бы прося руки, чтобы подержать.

Ди Цзя тайком вздохнул, его темные черные глаза скрывали скрытую в них бурю, а взгляд спокойно сравнил две пары рук.

Ди Цзя: «Очень похоже».

Бай Лисинь цокнул. Он убрал свои десять пальцев и махнул рукой указательным пальцем правой руки: «Нет, нет, нет. Они не очень похожи, они совершенно одинаковы».

«Человек там наверху, — сказал Бай Лисинь, взмахнув рукой и указывая указательным пальцем на большой экран, — это я».

Ди Цзя был удивлен.

У него не было особого вкуса к музыке, и с самого начала он не смотрел серьезно видео. Он был опьянен музыкой юноши только потому, что был совершенно очарован красотой юноши.

Только когда он услышал слова Бай Лисиня, Ди Цзя серьезно посмотрел на человека на экране. Форма его тела действительно была идентична Бай Лисиню.

Ди Цзя: «Когда ты записал это видео?»

Бай Лисинь: «Это не я записал это, но, может быть, это другой «я». Разве ты не слышал, как священник сказал, что этого человека зовут Шань, и он известный пианист?»

«И моя личность на данный момент — это надежда на будущее». Голос Бай Лисиня был немного холодным: «Я кое-что подумал, но это требует проверки».

Музыкальная комната находилась на третьем этаже, и в окно было ясно видно синее море снаружи.

Над морем скользило несколько морских птиц.

«У этого острова есть история». Бай Лисинь встал и подошел к окну, глядя на спокойное море.

Ди Цзя: «Действительно».

Бай Лисинь: «Могу ли я получить от тебя какую-нибудь информацию?»

У мужчины в кожаной куртке был спокойный взгляд, он на мгновение заколебался, и как только он собирался говорить, тело мужчины застыло на месте.

Густая чернота затуманила глаза мужчины, когда тень позади него внезапно раскрылась и расползлась по стене, как разбушевавшийся дикий зверь.

Через несколько секунд черная тень сжалась, а чернота в глазах мужчины рассеялась.

Слабый голос донесся до ушей Бай Лисиня по воздуху.

«Кажется, правила этого мира запрещают мне передавать тебе слишком много информации. Ты можешь исследовать, только если хочешь узнать правду о мире, яблоневый сад ночью...»

Голос становился все слабее и слабее и, наконец, растворился в воздухе.

Человек перед Бай Лисинем споткнулся на месте и медленно открыл глаза.

Сначала он огляделся в замешательстве, в его глазах мелькнуло удивление.

Только когда он увидел перед собой Бай Лисиня, его изумление исчезло, и он сменился настороженным взглядом: «Бай Лисинь».

Бай Лисинь: «Линь Цзюэ, что с тобой?»

Линь Цзюэ поджал губы, выражение его лица было очень несчастным.

Вчера его обманул коварный призрак, и он подписал контракт во имя выполнения задания, но вместо этого он оказался одержимым этим призраком.

Он был игроком-ветераном 382-го уровня. Куда бы он положил свое лицо, если бы этот маленький игрок, который был всего лишь игроком 72-го уровня, знал, что им играл призрак?

Его воспоминания были прерывистыми, и его последнее воспоминание было о том, как он спал в яблоневом саду, оставив Ся Чи и Бай Лисиня Эмилю. Следующее, что он помнил, он был в музыкальной комнате.

Наедине с Бай Лисинем.

Если бы не этот парень, он бы не стал возиться с этим паршивцем по имени Ся Чи, и он бы не подцепил этого парня по имени Бай Лисинь в процессе.

Линь Цзюэ раздраженно потер свои и без того спутанные волосы: «Это... я...»

Я не сделал и не сказал тебе ничего странного, не так ли?

Но если бы я спросил об этом, разве это не было бы подтверждением того, что я одержим?

Дерьмо.

Бай Лисинь наклонил голову и в замешательстве спросил: «Что случилось?»

Линь Цзюэ: «Ничего!»

Неважно, видя, насколько нормальным было выражение лица Бай Лисиня, ничего не должно было случиться!

Линь Цзюэ посмотрел налево и направо, и его внимание внезапно привлёк звук фортепиано. На большом экране кто-то играл на пианино, лица не были видны.

Значит, они слушали фортепианную пьесу?

Как раз в тот момент, когда Линь Цзюэ собирался отреагировать на все изменения, не вызывая подозрений, дверь в музыкальную комнату распахнулась, и вошел священник.

— Ладно, дети, пора ужинать.

Линь Цзюэ подсознательно посмотрел на панель задач. Было уже четыре часа вечера, и скоро будет пять часов.

Они были единственными в комнате. А остальные?

Черт возьми, он даже не знал, что произошло, пока он был одержим призраком.

Как только Линь Цзюэ почувствовал себя необычно запутанным, Бай Лисинь легко произнес слова: «Священник, все остальные все еще спят, потому что им было трудно утром, и они приняли лекарство, которое вы им дали. Мы должны разбудить их?»

Линь Цзюэ молча взглянул на Бай Лисиня.

Хотя это был вопрос к священнику, предложение Бай Лисиня было чрезвычайно информативным, и в нем было изложено почти все, что он хотел знать.

Взгляд Линь Цзюэ на Бай Лисиня внезапно приобрел оттенок сомнения.

Было ли это совпадением, что это было так подробно? Или Бай Лисинь что-то знал?

—

За столом ели только они вдвоем.

Линь Цзюэ думал о разных вещах и ел быстро и усердно. Солнце, казалось, село немного раньше, чем вчера, но было только после пяти вечера. Море вдалеке уже окрасилось цветом заходящего солнца.

Не дожидаясь, пока Бай Лисинь закончит есть, Линь Цзюэ поднялся прямо на первый этаж.

Он собирался осмотреть камеру заключения сегодня вечером, поэтому сначала ему нужно было немного отдохнуть.

Неожиданно он толкнул дверь и обнаружил, что подросток по имени Ся Чи лежит на его кровати.

Линь Цзюэ: «.....»

Я оцепенел.

Если бы это был кто-то другой, он бы его выбросил! Почему это должен был быть этот сопляк?

Так раздражает.

Ся Чи был в его постели, так может быть, он спал в комнате Бай Лисиня?

В течение следующих нескольких минут он открывал спальни одну за другой. В каждой спальне лежали люди, и только самая внутренняя спальня была пуста.

Он догадался, что эта комната была временным жилищем его и Бай Лисиня.

В этот момент Бай Лисинь тоже поднялся по лестнице.

Снаружи краски заходящего солнца стали сгущаться, и солнце медленно исчезало с уровня моря.

Линь Цзюэ без всякого выражения вошел в последнюю пустую комнату.

В комнате было две кровати.

Как только последние лучи света покинули уровень моря, Линь Цзюэ внезапно замер на месте.

Как храбрый зверь, со всех сторон к нему летели густые черные тени, окутывая его ими и черный туман застилал глаза.

В следующий момент чернота полностью слилась с телом Линь Цзюэ, и когда он снова открыл глаза, они стали острыми и зловещими.

Мужчина встал на месте, посмотрел на комнату, а затем на заходящее солнце, прежде чем подошел к окну и закрыл его.

Шторы медленно задернулись, и мужчина лег на кровать в одежде.

Через несколько минут вошел Бай Лисинь.

В тот момент, когда он толкнул дверь, он посмотрел на Линь Цзюэ на кровати, а затем спросил: «Ты уверен, что Линь Цзюэ не против того, чтобы ты входил и выходил вот так? Он же не станет глупым, не так ли?»

Мужчина на кровати открыл глаза и был немного удивлен: «Как ты узнал, что я взял верх? Я не сказал ни слова, и мои глаза были закрыты».

Бай Лисинь: «Аура другая».

Ди Цзя сразу же сел: «У меня более сильная аура?»

Бай Лисинь: «Э-э... более злобная».

Ди Цзя: «.....»

Бай Лисинь: «Что ты сказал, когда исчез? Ты хотел, чтобы я пошел в яблоневый сад ночью?»

Ди Цзя подумал об этом и покачал головой: «Лучше не ходи».

Бай Лисинь: «Почему?»

В голове Ди Цзя возникла серия образов. «Образы не очень красивые, как видишь, твоих спутников несколько раз подбрасывало, ты уверен, что будешь отличаться от них?»

Бай Лисинь улыбнулся: «Мне действительно любопытно».

Ди Цзя: «.....»

Когда вдали померк последний свет, Дом Красных Яблок погрузился в гробовую тишину.

Бай Лисинь и Ди Цзя проснулись.

Двое посмотрели друг на друга, и Ди Цзя указал наружу, а затем указал на свои глаза, жестом приказав Бай Лисиню закрыть их.

В коридоре медленно раздались те же шаркающие звуки и украдкой хлопки, что и прошлой ночью.

Двери снова открылись, и только когда они были почти в комнате Бай Лисиня, он наконец закрыл глаза.

В тот момент, когда он закрыл глаза, темная тень внезапно проплыла перед ним и вспыхнула перед его глазами.

Дверь в комнату медленно открылась.

Это был все тот же вопрошающий голос, и Бай Лисинь по-прежнему игнорировал срочный зов.

Призрак сдался и ушел. Когда звуки в коридоре постепенно стихли, Бай Лисинь почувствовал позади себя силу и медленно открыл глаза.

Его взгляд встретила пара кроваво-красных выпученных глаз.

Глазные яблоки почти вылезли из орбит, их окружала паутина, похожая на красную кровь, и они пристально смотрели на Бай Лисиня.

<http://bllate.org/book/14977/1324668>